

УДК 947.084.4.63 (571.6)

Е.Н. ЧЕРНОЛУЦКАЯ

**«КУЛАКИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ» НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В НАЧАЛЕ 1930-х гг.***Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
e-mail: chvalery@mail.ru

В статье дается характеристика одной из групп спецпереселенцев сталинского периода – жителей приграничных районов Белоруссии и Украины, выселенных на Дальний Восток транзитом через Сибирь. Показано их отличие от основной массы ссыльных «кулаков». Раскрываются особенности межрегиональных взаимоотношений органов ОГПУ, ответственных за организацию переселения. Исследованы причины временного раздельного размещения глав (в Якутии) и членов семей (в Дальневосточном крае), трудный процесс их воссоединения, условия проживания в спецпоселках и трудового использования на золотых приисках.

Ключевые слова: сталинские депортации, «зачистка» приграничья, спецпереселенцы, Дальний Восток.

В начале 1930-х гг. Дальний Восток рассматривался властью как один из регионов размещения ссыльных «кулаков». Среди прибывших сюда спецпереселенцев были и жители пограничных районов (22-километровой зоны) Украины и Белоруссии. Большой частью это была беднота, высланная как «социально опасный элемент» (СОЭ) с целью «зачистки» западного приграничья. Считалось, что «опасность» их заключалась в близких связях с проживавшими за границей родственниками.

Данная категория депортантов не получила широкого освещения в научной литературе, но П.М. Полян и С.А. Красильников обратили внимание на то, что именно с нее начались масштабные государственные акции, в которых плано-добровольные методы переселений трансформировались в принудительные. Первыми из Белоруссии для ознакомления с условиями проживания в Томский округ были отправлены несколько сотен глав «неблагонадежных» семейств в «добровольном порядке». Центр дал распоряжение обеспечить их льготами на общих основаниях с прочими плановыми переселенцами. Однако в Сибири людей стали размещать на неподготовленных таежных землях, что вызвало бурный протест выселенцев, местным властям пришлось удерживать их в округе силой. Дальнейшее переселение из западной погранполосы осуществлялось только принудительно [1, с. 62; 2, с. 68–69]. Положение этой категории депортантов в Сибири освещено С.А. Красильниковым [3, с. 780–782].

Требуется пояснения официальная терминология того времени. Известно пристрастие сталинской бюрократии к эвфемизмам, лингвистическим уловкам с целью скрыть суть обозначаемых явлений от широкого круга населения. Од-

нако такая «зашифровка» не отличалась разнообразием: в случае с принудительными мигрантами чаще всего применялись слова «особый», «специальный», «контингент» в различных сочетаниях. Выселенцам из западной погранполосы дали название «кулаки-одиночки особого назначения», несмотря на то, что основная их масса ни по каким параметрам к «кулакам» не относилась. По-видимому, свою роль сыграло то, что кампания по времени совпала с «кулацкой ссылкой», смешавшись с ее потоками. А первыми были переселены только главы семейств. С весны 1931 г. после утверждения дополнительной заявки Цветметзолота на эту рабочую силу и включения в депортацию семейств их стали называть «особой командой», или «особовцами» [3, с. 787].

Выселенцев направляли, как правило, из УССР – в Сибирь, а из БССР – на Дальний Восток и в Якутию (на Алдан). Все практические вопросы по депортации курировало ОГПУ, по прибытии на место «особовцы» передавались объединению «Цветметзолото» для работы на приисках.

В мае 1930 г. из Украины в Сибирь было доставлено 14 873 чел., включая 32 семьи (из них около 2 тыс. чел. ПП ОГПУ по Сибири отправило в Дальневосточный край (ДВК), а из Белоруссии на Дальний Восток – 1 784 чел. (183 семьи). Поначалу мужчины надеялись, что их завезли на восток лишь на время – «для ликвидации прорывов в золотодобыче». Многие старались добросовестно работать, лишь бы скорее выполнить план. Главный лейтмотив всех разговоров сосредоточивался на одном – «когда же отправят домой» [4, с. 727]. Тоска по семьям усугублялась тяжелыми условиями труда и быта. Так, на Алдане для «одиночек» вводился лагерный режим содержания, на работу они ходили под конвоем, вся зарплата поступала в комендатуру. Появилось большое число больных и инвалидов. Обоснованно опасаясь, что в дальнейшем среди этих работников начнется резкое снижение производительности труда и массовое бегство, ОГПУ подняло перед центральной вла-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 09-П-СО11-001 «Миграционные процессы в Азиатской России в XIX–XX вв.».

стью вопрос о направлении к ним семей. Политбюро ЦК ВКП(б) не возражало – 20 сентября 1930 г. оно приняло соответствующее постановление «О семьях высланных кулаков» [3, с. 257, 259, 401].

Руководство ОГПУ торопило с проведением операции, чтобы успеть подготовить условия для приема депортантов к началу зимы. Уже 21 сентября оно разослало в Новосибирск, Иркутск, Хабаровск и Алданский округ распоряжение № 44754, в котором требовало от своих представителей срочно (к 8 час. 22 сентября) передать сведения о количестве находившихся в каждом из регионов «одиночек», о станциях предполагаемой выгрузки семей и местах их расселения. Полпреду ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерibasу предлагалось учесть временное размещение 800 семей (4 тыс. чел.), отправляемых на Алдан. На следующий день распоряжение № 13367 о подготовке к выселению семей было послано в аппараты ОГПУ Украины и Белоруссии. Предполагаемый срок отправки намечался на октябрь.

25 сентября Л.М. Заковский и Т.Д. Дерibas получили распоряжение ОГПУ № 44777 о том, что на них возлагается ответственность за прием и временное размещение всех семей, направляемых к «одиночкам». «Специализация» регионов оставалась прежней: Западная Сибирь должна была принять семьи с Украины, а Дальний Восток – из Белоруссии. Дальнейшее их расселение на постоянное жительство следовало провести после выяснения точного местопребывания глав семейств.

Основная тяжесть транзитного устройства семей «особого назначения» легла на Западно-Сибирский край, для руководителей которого они стали дополнительной обузой в рамках общего приема спецпереселенцев, а для полпредов региональных ОГПУ – и «предметом дележа». Заковский решил семьи всех «не обнаруженных» в своем регионе «одиночек» сразу же направлять в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, где, по его сведениям, находились соответственно 6 214 и 2 356 глав семейств. О своем намерении он сообщил руководителям ОГПУ этих краев в телеграмме от 25 сентября и чуть ли не в приказном порядке рекомендовал ускорить составление списков, строительство жилья и т. п., на что Дерibas отреагировал весьма болезненно. В телеграмме руководству ОГПУ от 26 сентября он с возмущением писал:

...Судя по телеграмме Заковского № 26687, он намерен также бесконтрольно, как засылал в ДВК одиночек, направить и спецпереселенцев по его принципу отбора – семьи всех затерянных, умерших в Сибири и бежавших одиночек будут направлены в ДВК. Я предупредил Заковского, что все спецпереселенцы, направленные в ДВК без предварительной установки глав семьи на месте, будут возвращаться обратно. Настоятельно прошу предложить Заковскому высылать в ДВК семьи только после получения от меня списков, в строгом соответствии Вашей директивы № 44777 [5, с. 463, 464, 470–472, 511].

Перебранка между краевыми полпредами ОГПУ свидетельствовала не только об острых проблемах, связанных с размещением спецпереселенцев, но также и о запущенности их учета. Приказ о быстрой передаче в Центр информации о местонахождении «одиночек» выполнить в установленные сроки не удалось. Так же, как и Заковский, Де-

рибас лишь с получением распоряжения из Центра приступил к составлению списков, обещая выслать их к 29–30 сентября на первую группу (1,2 тыс. чел.), а на остальных – к 10 октября. Объяснял он это тем, что люди без его ведома засылались в Сибирь. По данным на начало декабря 1930 г., восточнее Урала размещалось 13 176 «одиночек», в том числе в Западной Сибири – 4895, в Восточной Сибири – 6211, на Алдане – 557, в ДВК – 1513 чел. Примерно столько же семей должны были выслать для воссоединения.

ГПУ Украины 15 октября информировало Центр о плане вывоза 36 104 чел., но из-за отсева и частично бегства с 27 октября по 6 ноября было отправлено 31 504 чел. (10 769 семей). По прибытии эшелонов в пункты назначения обнаружилось громадное расхождение между ожидаемым по карточному учету и реальным количеством депортантов. Нередки были случаи, когда глава семьи находился в одном регионе, а его семью отправляли в другой. В Сибири выселенцев с Украины концентрировали в Томском, Иркутском и Яйском распределителях, а оттуда отправляли в спецпоселки, в том числе в другие регионы. Всего в 1930 г. было завезено 14,9 тыс. мужчин и 31,5 тыс. членов семей, из них 485 чел. отправили на Алдан, а 1 828 мужчин и 314 семей (1 256 чел.) – на Дальний Восток.

Из Белоруссии планировалось вывезти 1 880 семей (9 тыс. чел.). При этом начальник ГПУ Белоруссии Г.Я. Рапопорт решил, кроме семей уже высланных «кулаков-одиночек», прихватить также «наиболее мощных в прошлом и настоящем, оставшихся злостных кулаков тыловых округов». В результате «особовцы» стали представлять смешанный контингент – «СОЭ» и «кулаков». Со значительными задержками выселение из БССР проводилось с 12 по 15 ноября. К 6 ноября в ДВК прибыло 5 522 чел. (2 365 мужчин, 1 977 женщин, 1 180 детей), среди них примерно 800 полных семей вместе с главами. Их принимали на станциях Тыгда, Михайло-Чесноковская и Большой Невер и временно (до отправки на прииски к главам семейств) размещали в спецпоселке Бушуйке (специально организованном с этой целью в 17 км от ст. Большой Невер), пос. Свободном и г. Зее [3, с. 780–782, 787; 5, с. 472, 510–515, 672, 667].

Весной 1931 г. директивные органы утвердили заявку руководства золотоплатиновой промышленности на получение дополнительной рабочей силы из числа «особовцев». 31 марта уполномоченный ЦМЗ Исаев по прямому проводу сообщил председателю правления ЦМЗ Серебровскому о том, что на территории Восточно-Сибирского края «разгружаются» 2,8 тыс. семей, на Дальнем Востоке – 3,7 тыс., из них на ст. Могоча с направлением на Могочинские прииски – 600, на ст. Тыгда (Зейские прииски) – 1 тыс., на ст. Михайло-Чесноковская (Селемджинские прииски) – 300, в Хабаровске (Нижнеамурские прииски) – 800, на ст. Большой Невер с направлением на Алдан – 1 тыс. семей [3, с. 288]. Однако сведения о завозе этой группы «особовцев» не нашли отражения в итоговой статистике за 1931 г. Поэтому не совсем ясно, отражает ли данное сообщение реальное прибытие людей или только плановое распределение.

Всего в 1930 г. Дальний Восток принял 10 393 чел. (1875 семей) категории «кулаков особого назначения», в том числе из БССР – 7309 (1 561), из УССР – 3084 (314) [5, с. 671]. С предполагаемым прибытием в 1931 г. еще 3,7 тыс.

семейств из Белоруссии их общее число увеличивалось до 5,5 тыс., что составляло половину всех спецпереселенцев, отправленных на Дальний Восток из других регионов страны.

Обустройство семей из Белоруссии и Украины в местах приема является характерным примером бесчеловечного отношения властей к принудительным мигрантам: в основном это были женщины, старики и дети. «Временность» размещения на Дальнем Востоке многих из них усугубила и без того ужасающее положение, характерное для всех спецпереселенцев. Для жилья «особовцам» отводились наспех построенные летние бараки, но и их не хватало, хотя Дерибас сообщал руководству, что стройка идет ускоренными темпами и обойдется дешевле намеченного на 30–40 % (!). Характерной чертой советской политики принудительных миграций было возложение значительной доли затрат на местные органы, что в условиях ограниченности у последних материальных и финансовых ресурсов стало одной из причин крайне тяжелого материального положения спецпереселенцев. Продовольствие выделялось из фондов Наркомторга СССР и Центросоюза, но крайсоюзам предлагалось, не дожидаясь поступления из Центра, завезти на места продуктовые запасы из своих фондов. Местные власти обязывались также выделять стройматериалы, проводили мобилизацию гужевого и автотранспорта для перевозки депортантов [3, с. 295; 5, с. 511].

Еще хуже, чем в ДВК, оказалось обустройство «одиночек особого назначения» на Алдане, где не было продовольствия, подготовленных помещений, ощущался острый недостаток медикаментов, 500 чел. болели цингой. По этой причине отправка туда семей из ДВК значительно задерживалась. Алданские власти всячески сопротивлялись приему семей еще и потому, что их перевозка требовала отвлечения от производства транспортных средств и создавала «...угрозу выполнению программы золотодобычи и снабжения Алдана продовольствием». Кроме того, они опасались, что прибытие семейств вызовет уход горняков с приисков, где не разрешалось размещать семьи из-за экономии продовольствия для рабочих [3, с. 285, 787].

Ситуация в Якутии, изложенная в телеграмме председателя Алданского окружкома партии Ступишина, стала предметом обсуждения на заседании комиссии А.А. Андреева (протокол № 3, не ранее 24 марта 1931 г.). Комиссия постановила «принять срочные меры» по подготовке приисков к приему спецпереселенцев, на это Алданскому комбинату давался срок не позже середины июля 1931 г., а до того времени надлежало направить туда лишь трудоспособных мужчин, оставив их семьи в Большом Невере [5, с. 660].

Но ни летом, ни осенью положение не изменилось. Политбюро ЦК ВКП(б) на заседаниях 10 июля и 5 августа 1931 г. оценивало устройство спецпереселенцев на Алдане как неудовлетворительное и безобразное и отказало в заявке ЦМЗ на перемещение туда еще 1000 семей [3, с. 323, 344; 6, с. 150]. В сентябре строительство в спецпоселках Алдана не только не было начато, но и не велось никакой подготовки к нему, не были поданы заявки на инвентарь, скот, птицу, семена. Те семьи, которых уже перевезли на Алдан, находились в ужасающих условиях. В справке комиссии А.А. Андреева для ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1931 г. сооб-

щалось, что на Алдане «...больных детей в больнице кормят супом из соленой трески. ЦМЗ воспретило пользоваться одеялами в больнице, считая их слишком роскошными для кулацких детей, дети в детдомах спят на голых досках» [3, с. 331, 404–405, 415].

В сентябре 1931 г. на Алдане работало 3549 белорусских спецпереселенцев, из которых у 694 чел. семьи находились в пос. Бушуйке, совершенно не готовом к зиме. Командированные Центром в ДВК и Якутию член ЦКК О.Л. Рывкин и сотрудник ОГПУ Сидоров составили перечень мероприятий, касавшихся обустройства алданских спецпереселенцев (от 27 августа 1931 г.). В частности, предлагалось в районе Сталинских приисков (Алдан), где работало до 80 % мужчин-«одиночек», организовать строительство жилищ силами самих спецпоселенцев в свободное от работы время. Перевозку семей из Бушуйки планировалось провести в течение сентября, возложив всю ответственность на окружной отдел ОГПУ, а до окончания строительства размещать семьи в имевшихся помещениях в Усмуне и Орочене. Всю работу закончить к 1 января 1932 г. Однако к этой дате из Бушуйки на Алдан прибыло только 1373 чел. [3, с. 380, 401–406, 480].

В сентябре 1931 г. в Бушуйке проживало 3306 чел., из них 2257 членов семей «особовцев», работавших на Алдане, 997 чел. составляли полные семьи, у 52 чел. главы семей находились в других районах. Среди них было 1415 детей до 14 лет (42 %), а также много престарелых. Основными местами занятости стали покосы летом и прииски, где работало от половины до трети трудоспособных, остальные трудоустроиться не могли. Но и работавшие получали паяк ниже существовавших норм, промышленные товары и спецодежда не выдавались. Жилищами служили летние бараки, оборудованные двойными нарами (как уже отмечалось, на их строительстве было сэкономлено 30–40 % средств). В таком же состоянии находился и «детдом» с персоналом из спецпереселенцев, в котором изолированно от родителей содержалось большинство детей.

Люди не имели необходимой одежды и обуви. Осенью 1931 г. заместитель полпреда ОГПУ по ДВК Улыбышев сообщил руководству:

...Потребность в промтоварах очень большая, особенно для белорусов и украинцев, которых привезли в нашу область практически раздетыми. Среди последних есть семьи, где часть детей ходит совершенно голыми, а новорожденные ребята завертываются в тряпки, сделанные из юбок [7, с. 445–446].

Рацион жителей состоял из рыбы и крупы, отсутствовали мясо, жиры, молоко, поэтому высокой была детская смертность. За восемь месяцев 1931 г. в поселке умерло 184 ребенка до 5 лет (55 % всех умерших). На специальном совещании представителей райкома партии, РИК, ОГПУ и др., проведенном в Бушуйке 11 августа 1931 г., в числе других мероприятий рекомендовалось «...детей до 14 лет перевести на обычные нормы детского снабжения, особо обеспечив в целях борьбы с детской смертностью *рисом и крахмалом*» (выделено нами. – Е.Ч.).

Летом 1931 г. в поселке разразилась эпидемия сыпного и брюшного тифа. Всего переболело 192 чел., умер 41 чел. Несмотря на нехватку медработников, медикамен-

тов, постельных принадлежностей и т. п., краевые власти никакой помощи не оказывали¹. В местной больнице работали два врача, остальной персонал набирался из самих спецпоселенцев «в порядке самообслуживания».

Общий психологический настрой усугублялся разъединенностью семей. Как на Алдане, так и в Бушуйке люди просили поскорее воссоединить семьи. С ноября 1930 г. по март 1931 г. из поселков Бушуйки, Свободного и г. Зеи бежало 1 442 выселенца «особого назначения» [3, с. 372, 403–405; 5, с. 672].

Документов о завершении перевозки белорусских семей на Алдан нами не выявлено, однако согласно учетным данным в 1932 г. миграционная убыль спецпереселенцев на Дальнем Востоке составила 2 728 чел.² Поскольку в общей практике сталинских принудительных миграций спецпереселенцев с Дальнего Востока не вывозили, а только завозили туда, можно предположить, что указанное число в основном и приходилось на семьи «особовцев», отправленных, наконец, в Якутию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
2. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
3. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: Сб. документов: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1.
4. История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов: в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР.
5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. М., 2003. Т. 3, кн. 1: 1930–1931 гг.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933.
7. Бобков М.Ю. Спецпереселенцы в Рухловском районе // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области / Сост. Л.М. Журавлев. Благовещенск, 2007. Т. 5: Спецпоселение. 1920–1950-е годы.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

² Подсчитано нами по: Там же. Д. 89. Л. 208.